

Екатерина Суворова

НЕПОНЯТНАЯ ВОЙНА

Екатерина Суворова

Непонятная война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17189630

ISBN 9785447443788

Аннотация

Смешанный набор человеческих судеб, вооруженных операций и попыток разобраться, кто же на самом деле является виновником непонятной войны. В центре повествования безымянная девушка, попавшая в жернова трех враждующих держав. Книга не хронологическое описание пяти дней непонятной войны. Она нечто большее, охватывающее историю последних трех десятилетий. Вставные сюжеты – истории жизни героев – демонстрируют читателю истинную ситуацию полувека.

Содержание

1	5
1	5
2	8
3	14
4	18
5	25
6	28
7	32
8	39
9	44
10	45
11	52
12	57
13	63
14	67
15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Непонятная война

Екатерина Суворова

© Екатерина Суворова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она открыла глаза, обернулась по сторонам, увидела туманное небо. Единственное за что цеплялся взгляд, была недостижимая полярная звезда, разгоревшаяся то ли утренним, то ли вечерним заревом. Вокруг было пусто. Ни единой души человека, животного, хоть кого-нибудь. Никого, абсолютно никого среди давящих на скелет стен, которые в ту же минуту, оказываются бескрайним простором.

Она лежала на земле. Почувствовав свое дыхание, она попыталась поднять голову. Дикая боль, породившая струю крови, завоевала всю ее тело. Она почувствовала, как рядом с левым виском катиться буроватая капелька. Дотронувшись до нее руками, она поняла, что где-то ранена. Хотя, возможно, и не ранена, а просто дотронулась до свежей царапины. Она не знала, что вслед за той буроватой капелькой, по ее волосам уже бился настоящий родник алого цвета. Она так же не знала, что на ее затылке, виднелась запекшаяся пляма того же оттенка. Она ничего не знала. Всем ее телом владела тупая боль, а в ушах, вместо привычной тишины, была другая тишина – такая же пугающая, как и боль.

Попытавшись подняться, она взглянула на руки. Нет, они

были не побиты. Они были испачканы землей и кровью, а возле кольца на безымянном пальце остался след от какой —то черной почвы. Она вновь пробежала взглядом по скованному болью телу. Заметив, что на мастерке были такие же буроватые капельки, как и на виске, а джинсы больше походили на пыльный мешок, она вновь попыталась встать. Очередная попытка переместиться в вертикальное положение не удалась. Она рухнула всем телом на землю, зацепившись за шнурок кед. Странно. Один из кед был полностью зашнурован, а второй, практически наполовину развязан. Боль вернулась новой волной и позволила с новым напором пробежать буроватым капелькам. На ее глазах появились слезы. Это был страх.

Кто же она? Как она сюда попала? Куда сюда? Что с ее одеждой, и, в конце концов, что с ее шнурками? Она этого не знала. Она вновь оглянулась по сторонам. Кровь уже смешалась с другой соленой жидкостью, и превратилась в мутную субстанцию песка, боли и страха.

Опершись на колено, она встала. Нужно было куда-то идти, но, куда и зачем она не знала. Пытаясь судорожно вспомнить хоть что-то из того, что было до пробуждения, она цеплялась глазами за любой миллиметр окружающего ее мира. На небе, следом за полярной звездой, появились другие. Яркие, далекие и такие маленькие, что ей на секунду показалось, будто небо отдалено от нее намного дальше, чем обычно. Пройдя несколько шагов к стене, она услышала крик

птиц – в выси пролетело пару ворон. Она решила идти вслед за ними, куда-то туда – в неизвестную серую тишину.

Тупая боль, вновь дала о себе знать. Она сковала все тело и требовала остановиться и отдохнуть. Найдя маленькую комнатку, из четырех стен и окна, она забралась туда. Страх раскатом за раскатом покрывал ее тело. Так, она заснула...

Сильный свет бил в глаза. Она проснулась и увидела перед собой мужчину в камуфляжной форме, с фонариком в руках. На вид ему было около 40 лет, но, взгляд, такой холодный и надменный, делал его еще старше.

– Эээээээээ.... Ты кто? – спросил он, освещая лучом фонаря ее мастерку и плавно переходя к кедам. – Кто ты, спрашиваю!

– Я не знаю – с болью вырвалось у нее, и пронеслось по лицу солеными каплями.

– Да что ты? Не знаешь? Ну да, конечно не знаешь. Все вы тут ничего не знаете – убирая фонарик, произнес он. – Слышь, Васильич. Тут еще одна ничего не знает. Давай заводи мотор и поедem к нам... Эту незнающую завезем.

Из-за дырки в стене показался еще один мужчина. Он был уже в обычном свитере и джинсах. Но с такими же каменными пустыми глазами.

– Как тебя зовут, дочка? – спросил он, пытаясь выдавить из себя понимающую улыбку.

– Я не знаю. Где я? – со страхом вновь сказал она.

– Шо значит «где ты»? – раздался грозный голос первого. – Ты как сюда вообще попала?

– Я не знаю.

– Да, твою же мать, шо ты вообще знаешь?

– Ничего... Кто вы?

– Так, Василич. Грузи ее давай. У себя разберемся. А то с этими руссаками, просидишь до ночи.

– Слышь, так может ее здесь, сразу? – меняя улыбку на оскал, произнес второй. – Мы все равно ее в штабе кокнем. На хера везти еще?

– Кто вы? Кто... – задыхаясь от слез, говорила она. – Зачем вы здесь? Я ничего не знаю...

– Да ладно, давай к нам. Она все равно ни черта не скажет. Заводи, сказал.

Она поглядела на небо. Все оно было усыпано мелкими звездами, а холод, издаваемый ими, пронизывал тело насквозь. Первый, потянул ее за руки. Она не сопротивлялась, лишь боль мешала спокойно подняться.

Ее повели к старому грузовику, походившему на те, что когда-то она видела на фронтовых фотографиях. Странно, не помнить себя, но отчетливо воспроизводить в голове некогда имевшие смысл кадры. Словно вернувшаяся из 40х машина, была заляпана грязью и пылью, а камуфляжный брезент, накинутый поверх кузова, весь состоял из отдельных платок, среди которых были и куски красной материи, и какие-то вырезки из джинса, и, непонятного происхождения, пепельные резиновые накладки. Все, что можно было бы подумать об этом грузовике – это лишь то, что он был разрешен сериями выстрелов с разнокалиберного оружия.

Первый толкнул ее в кузов машины. Там было также непо-

нятно и страшно, как и на той осиротевшей улочке, где она очнулась. На минуту, она задумалась о том, что стоит выбираться отсюда, тем более что преградой между кузовом и улицей составлял все тот же камуфляжный брезент. Но куда бежать? Там, куда ее везли, находился какой-то «штаб» и какие-то «у себя».

Она почувствовала, как рана на голове вновь начала кровоточить, но это была не прежняя тупая боль, а уже вполне конкретная, адски раскаляющая до предела. Она услышала, как те двое уселись в кабину и завели мотор. Их разговор, был смесью мата, пахабных шуток и невнятных восклицаний. По крыше грузовика начал бить дождь. Капля за каплей он увеличивался, и, вместе с ним, увеличивался ее порог страха. Чтобы себя отвлечь, она начала осматриваться по сторонам. В кузове было темно, но глаза постепенно привыкали к этому немоу мраку. Ей удалось разглядеть несколько канистр, канат, истрепанный до того, что больше походил на бельевую веревку, и несколько кусков ткани, подобной той, которой был залатан брезент. Через дыры в обшивке изредка просачивался свет. Она поняла, что грузовик едет по улице с фонарями, и, значит, приближается к месту, где будут люди. Прошло то ли полчаса, то ли полдня, когда грузовик остановился. Время исказилось. Оно стало тягучим и всеобъемлющем, пока она сидела в пугающей темноте.

– Везем шо? – послышался новый голос. Он был отдален, и чем-то напоминал голос первого. Хотя, если бы сейчас же

первый не ответил, она бы подумала, что он начал говорить сам с собой.

– Та ни, как всегда. Одна только незнающая на этот раз. Там, в кузове.

– Беглянка или шо? – вновь раздался таинственный голос.

– Да черт их знает. Каждый вечер такая херня. Пади их разбери, – ответил первый. Она пыталась вспомнить, как его отчество, ведь второй, неосторожно сказал его, при их встрече.

Послышались шаги. Тем временем, кабина ее грузовика открылась, и, с места водителя, прыгнул второй, тот, с оскалом-улыбкой. Он громко высморкался, не менее громко отmaterился на грязь под ногами, и пошел в сторону кузова. Через несколько секунд, брезент был сдернут, и она увидела перед собой молодого парня с винтовкой в руках. Он был в непонятной форме, явно большей его размера на три, в каске и с пластырем на переносице. Под двумя глазами виднелись синие пятна, а от всего тело несло сильным перегаром.

– Ты кто? – спросил он, щурясь и пытаясь разглядеть, среди канистр ее силуэт.

– Я не знаю, – ответила она, проносясь взглядом по уже ставшему родным машинном отделении. Как оказалось, вокруг нее были не только тряпки и канат. Рядом с ней была целая уча разных патронов, просто так, высыпанных у одному углу.

– Ты, шо, дебил? – спросил молодой к подходившему вто-

рому, – Куда ты патроны насыпал, придурок? А, если бы она, их выкинула или съела? Я с тебя поражаюсь Захаренко. Дебил-дебилом.

– Так она, это, не хера не помнит, говорит. На кой ей патроны? – указывая на нее, виновата оправдывался второй. – Слышь, – вновь к ней, – ты кто, дочка?

– Я не знаю...

– Ясно. Мне тут не да ваших разборок. Давай вытягивай ее с грузовика, и дуй к Остапенко. Он про тебя полдня уже спрашивает. Эту на мойку что ли, или к нам в комнату тащи, все равно ей тут жизни не дадут, – откидывая брезент назад, сказал молодой. – Там хоть наши с ней поговорят, душу отведут. А то мужики месяц уже без бабы.

– Кто вы? – в истерике прокричала она. – Кто вы, куда вы меня вести собираетесь?

Послышались шаги первого. Он спрыгнул с кабины и направился в сторону кузова.

– Осипенко, ты шо ей не объяснил? – обратился к нему молодой.

– Та шо там объяснять? Видно ж, шо беглянка. А тут дуру включила, мол, ничего не помнит. Ты, как тебе вообще зовут?

– Я не знаю, – захлебываясь в слезах, суматошно и невнятно, говорила она. Где то вдали раздалась автоматная очередь

– О! Сивцов опять гуляет? – спросил Захаренко

– Дак, третью ж ночь, уже гуляет. Сын женился, вот и гу-

ляет, — ответил молодой, — Ладно, тани ее к Остапенко, может он что скажет.

Захаренко и Осипенко поднялись в кузов. Она податливо протянула им руки, понимая, что сопротивляться бесполезно, хотя мысль, кинуть им в лицо горсть патронов, на мгновение промелькнула в ее голове. Она поднялась, окинула взглядом свое временное пристанище, и шагнула на встречу тем, кого видела второй раз в жизни, и кого ненавидела и боялась.

Штаб капитана Остапенко находился вдали от казарм. Остапенко предпочитал шумному и пьющему солдату, общество тихой и почти мирной жизни в стенах комнатухи бывшего общежития для литейщиков. Полуразбомбленное здание во всю было заселено молодыми барышнями, солдатскими женами, и старыми кряхтящими бабами с детьми. Здесь всегда пахло жареным салом, а по ночам, раздавались понятные крики любимец солдат. Остапенко это не смущало. Он жил уединенно, и, практически никогда не обращал внимания на местный контингент. Его направили сюда больше двух месяцев назад, перебросив от ненавистного Харькова, к более радушному и безбурному Чернигову. Сперва, он поселился в отдельной комнатухе общаги, а, позже, перекинул сюда и всю штабную бумажную составляющую. Он бытовал среди отчетов, карт наступления и отступления, раций и графиков мойки полов. Остапенко был по-своему счастлив. Еще в 2017 он успел выслать сына с бывшей женой к своей однокласснице в Вильнюс. Одноклассница его ненавидела, а жена так и не смогла простить пьяные побоища еще некогда статного лейтенанта Остапенко. Но выбора не было. Лучше злобные письма и матерные разговоры по телефону, чем полученные похоронки с его исторической родины. Он был почти счастлив, упрямо, стабильно и безмятежно про-

живая службу вблизи бывшей белорусской границы.

Солдаты Остапенко практически не участвовали в войне. Лишь изредка, как, например прошлым вечером, они выезжали в старый город, чтобы отлавливать беглецов, которые постоянно появлялись после очередного взрыва или бомбежки. Когда-то любимый Чернигов, напоминал сегодня разрушенный варварами Колизей. Разница была лишь в том, что римское сооружение вошло в книги истории, как пример человеческого гения, а Чернигову, максимум приходится рассчитывать на роль артефакта людского идиотизма. Остапенко это понимал, понимали это и его солдаты. Не понимали лишь сильные мира сего.

Подтанцовывая собственному свисту, он развешивал носки по комнате, когда к нему постучался Захаренко. На пороге, капитан увидел двух своих солдат и маленькую фигурку женщины.

– Вызывали, Петр Михалыч? – переваливаясь с ноги на ногу, произнес Захаренко

– Тебя – да, а бабу с тобой – нет. Кто это? Зачем ты мне всякую шваль беглую тянешь? – злобно спросил Остапенко, кинув носки в ржавую эмалевую посудину.

– Она говорит, шо ничего не помнит, – глядя в сторону, сказал Захаренко.

Та самая она, тем временем, пыталась осмотреться вокруг себя. Комната была доверху уставлена непонятными ящиками, один из которых, по видимому, приходился ее хозяину

письменным столом. Все было в лучших традициях мужского быта: дырявые носки, не по военному разложенные вещи на стуле, форма на лежаке и календарь на прошлый год с полуголой девицей. Взгляд ее остановился на маленьком зеркале, висящем над серым умывальником. В нем она увидела свое отражение. На нее смотрела пара испуганных голубых глаз, обрамленными разводами от туши и грязи. Под носом располагался буроватый запекшийся сгусток крови, немного не достоящий до верхней губы. Растрепанная коса, светло-русого цвета, была перепачкана сажей и побелкой. На пыльно-зеленой мастерке было два очага красноватого потока: один у предплечья, а второй – ближе к левой груди. Джинсы отличались от всей внешней картинки относительной чистотой. Лишь дорожный песок коричневым налетом покрывал их. Та, что стояла в узкой рамке зеркала, была страшна. Страшна своей беспомощностью.

– От бабы! Подбитая, а все равно в зеркало пялится! – усмехнулся Остапенко. – Ты кто такая, спрашивают у тебя!

– Я не знаю – увернув взгляд от зеркала, постыдно прохрипела она.

– Вот те на! Еще одна. Захаренко! Где ты таких находишь? У меня вон вся общага баб, спасу от них нет. Так ты еще одну притянул! Да и ладно бы, нормальную притянул, а это кто? Ни кожи, ни рожи, ни паспорта, ни имени говорить не хочет!!!

– Так, а шо мне надо было делать? – опрокинувшись

на стену, спросил Захаренко. – Она толдычет, что помнить ничего не помнит

– Я действительно ничего не помню, и не знаю кто я, – раздался ее смелый хрип. – Я не знаю как я сюда попала и не знаю кто вы...

– Так. Ясно. Веди ее к нашим моторщикам, пусть там решают, что с ней делать, – махнув рукой, растерянно и гневно приказал Остапенко. – А потом ко мне. Тебе с Донецка опять почта пришла.

– Слушаюсь – радостно, и уже в пол разворота к двери, прогремел Захаренко. – Пошли, дочка, поведу к своим.

Моторщиками в поствоенном Чернигове называли тех, чьи лица в видео принято засвечивать черной полоске или размазывать специальными эффектами. Зачем они были в этом маленьком городке, почти лишенном каких-либо действий, никто не знал. Их было трое: Мартюк, Сибитов и Стопко. По законам жанра своей работы, их настоящих фамилий никто не знал, а знали лишь эти, кем-то выдуманные или подслушанные с еще когда-то мирного телевидения. Так или иначе, все они были моторщиками, то есть теми, кто должны были знать все и про всех. Солдат уже привыкли к их якобы невидимому существованию, и, в шутку называли их НКВДэшниками или стукачами. Хотя здесь, в Чернигове стучать было не на кого, да и не про что. Так они и сидели, попивая чаек с украинским самогоном, в своем убежище – бывшей постройке для спорт инвентаря общежития. Как то странно было то, что разбомбленная студенческая деревня, почти полностью погруженная в руины, сохранила клочок никому не нужной в спокойное время кладовой лыж и гирь. Лыжи ушли на топку, во время сильных морозов января 2017, а гирями изредка пользовались солдаты, демонстрируя победоносный дух славянского воина.

Мартюк и Стопко были знакомы уже давно. Некогда, они вместе учились в аграрном ВУЗе, и планировали уехать

в Китай, выращивать лен по придуманной ими системе. Планировали-планировали, и вдруг, пришла вся эта суматоха, перечеркнувшая планы целого поколения. Их никто не призывал, просто, когда их родной Донецк начал кто-то бомбить, было стыдно бежать вслед за женщинами. Так и втянулись они в эту непонятную, и молчаливую войну. Сибитов же был активистом. Он был из того сорта людей, которые в 30х закладывали соседа за украденный хлеб, в 40х сдавали сослуживцев за анекдот про Сталина, в 50х – громче всех кричали на собраниях о врагах народа, а в 60х – ехали строить Братскую ГЭС. Потом такой сорт людей стал никому не потребен, и полка истории задвинулась, как тогда казалось, навсегда. Но тут пришла вот эта, никому не понятная война, и снова, люди-Сибитовы стали любимцами Геродота. Они чувствовали себя в своей тарелке, точнее, в своем котелке раскаленного недопонимания между тремя державами. Они считали, что на их долю выпала героическая и столь уникальная честь войти в книги своими именами. Сибитов был счастлив, что вот сейчас, ему удастся стать тем, для чего рожден человек. Он днями напролет прослеживал все радары, и с неистовым вожделением допрашивал всех беглецов. Он попал сюда не случайно – сам подал прошение о вступление в ряды доблестного украинского фронта. Вся черниговская часть его тихо ненавидела, и, так же тихо побаивалась. Даже Мартюк и Стопко, жившие с ним в одной комнате, и сидевшие с ним в одной будке, опасались сказать что-

нибудь не по уставу. Шутки шутками, а по законам военного времени (тем самым законам сорта людей Сибитова), их могли выкинуть к границам Волчанска, где люди шли в расход каждый день.

Захаренко, тем временем, остановился покурить около спорт будки. Она смотрела на него изможденными глазами, и судорожно старалась вспомнить, хоть что-нибудь, предшествующее крикам вороны в разбомбленном здании.

– Шо смотришь, дочка? – спросил Захаренко

– Как вас зовут? – неожиданно прохрипела она.

– Сам прихожу. А тебе на что мое имя?

– Я не знаю, как к вам обращаться...

– На что тебе? – смачно затягиваясь и пытаюсь сделать кольца дыма, пробормотал солдат. – Федором Васильевичем зови, если понадобится

– Федор Васильевич, я не знаю кто я, кто вы и где мы находимся. Я не знаю, как здесь оказалась я и куда вы меня ведете, – истошным хрипом раздался ее голос, – я прошу вас, расскажите мне, я ничего не могу вспомнить.

– Слышь, какая умная. Вы все здесь ничего не знаете, а в Чернигове, оказываетесь случайно. Спасу от вас нет. Целыми толпами ломитесь из своей Белоруссии через нашу землю к Киеву, что бы оттуда – в Молдову, где вас цыгане эти не тронут. Что не выезд – то облава. Искать вас уже надоело! – докурив, пробормотал Захаренко. – Ты давай тут, сопли не разводи. Вам уже вера кончилась. Все не помните

кто и откуда, а потом нашим моторщикам все докладываете.

– Я правда не знаю, кто я... – растерянно прошумела она, глядя, как Захаренко уже стучится в дверь, где было написано расписание выдачи лыжного оборудования.

– Разрешите войти – прозвучал грозным его бас. – Ребят, я тут вам еще одну привез.

– Да е-мое, каждый вечер Васильевич! – откинувшись на стуле и перемешивая чай, раздался голос Стопко. Он выглядел словно переросший от стероидов подросток с детским лицом. Из-за двери показалась еще одна мужская фигура, больше подобная на стереотипного солдата. Форма ему явно шла, и, возможно поэтому, он единственный не снимал ее в этой душной комнатухе, заваленной проводами, датчиками и маленькими экранами. Этой фигурой был Мартюк. Он, также как и Стопко, перемешивал ложкой сахар в огромной чашке. Ей показалось странным, что здесь, где, судя по всему, шла война, у солдата была обычная чашка с рисунком коровы из детского мультика. Мартюк прошелся вдоль стоящего посреди будки стола, и остановился в дверях, внимательно рассматривая новую посетительницу.

– Как тебя зовут, лупоглазая? – спросил он.

– Говорит, что не знает, – перебивая ее, сказал Захаренко.

– Ага. Не знает! – раздался звук с другого конца комнаты, сменяющий посербывание.

– Так в том то и дело, Стопко, говорит, что не знает!

– Не по правилам разговариваете, господин Захаренко! –

валяжно и надменно произнесло третье лицо, не замеченное ни ей, ни самим адресатом. В самом углу сидел Сибитов, раскачиваясь на стуле и перебирая в руках кубик Рубика, на котором отсутствовало половина цветных фрагментов. Он выглядел намного старше своих соседей по будке, но что-то детское и отталкивающее было в его взгляде, наклоне головы, позе, да и в принципе в нем. Он поднялся со стула, задержав его рукой от падения, и двинулся в ее сторону.

– С какой ты области? – спросил Сибитов, осматривая ее с ног до головы.

– Я не знаю, не знаю, не знаю. Я не знаю, кто вы, я не знаю кто я, я не знаю где мы... Я ничего не знаю, – забилась она в истерику

– Ну брось, брось... посидишь, немного поразговариваешь с нами – и вспомнишь! Вы все вспоминаете, да Стопко? – обратился он к уже успевшему подойти обратно к столу солдату.

– Вспомнит. Захаренко, ты что еще хотел?

– Нет. Я пойду ребят, – переваливаясь на другую ногу, ответил тот. Наверное, в роду Захаренко были люди с невероятной способностью – одновременно смотреть вперед и назад. Так ловко Захаренко умел переворачиваться в обратное направления. Он открыл дверь, и, буквально, через секунду раздался громкий хлопок, окативший потоком холодного воздуха.

Она стояла на пороге маленькой темной комнатухи,

пропитанной мужским перегаром и теплым излучением от работающих приборов. В таком помещении, больше похожем на баню, чем на стратегический центр воюющего поселения, еще более смешным был внешний вид Мартюка. Именно он и обратился к ней первым, после ухода Захаренко.

– Фамилия, имя, отчество?

– Я не знаю...

– Дата и год рождения?

– Я не знаю...

– Страна и адрес проживания?

– Я не знаю...

– Цель прибытия в Черниговском военном округ?

– Я не зна...

– Да все ты знаешь! Хватит дуру валять! – не выдержав, прикрикнул Сибитов. – Каждый божий вечер к нам приходит по пять, десять, двадцать таких, которые ничего не знают! Если бы было можно, так вашу границу давно б с землей сравняли, а вас всех – к нам в цеха, чтобы хоть немного поработали, а не поныли...

– Я действительно ничего не знаю...

– Так, ясно. Сегодня значит, ничего не знаешь, а, если ночь посидишь в карцере – на завтра знать будешь?

– Я не знаю...

– От, дурная баба! – не отрываясь от монитора радара, сказал Стопко.

– Так а я ж, про что! добавил Сибитов. – Давай поступим так: сейчас мы тебя в карцер, сидишь ночь – вспоминаешь – депортируем к своим, сами там пекитесь в своей Беларуси. Не вспоминаешь – к нашим – там тебе сразу память вернут. Идет?

– Я не знаю...

– Мартюк!

– Эй...

– Вызывай обратно Захаренко, пусть тот ее в ночник определит.

В двухстах метрах от будки моторщиков, в общажной комнате Остапенко, стоял на коленях и по-детски плакал Захаренко, сжимая в руках письмо из родного Донецка. Это когда то в 2016 были интернет, скайп и мобильные телефоны. За пять лет непонятной войны неизвестные противники и известные союзники вычеркнули эти понятия из жизни людей. Электричества часто не было, зарядки на последних моделях телефонов вскоре сели, в ноутбуках и планшетах перегорели блоки питания, а все сети и вовсе перестали существовать. Человек забыл о существовании некогда всемирной паутины, и вернулся, к точному и вневременному письму. Письма, как и 70 лет назад, начали объединять людей на расстоянии, сокращая их пути до несколько недель, пока не придет новая почта. Одно из таких писем, сейчас и держал в руке семьянин, отец троих детей Федор Васильевич Захаренко.

– Не убивайся ты так, ты им не могу помочь – бормотал, бродя по комнате Остапенко. Он привык уже видеть слезы взрослых мужиков, но никак не мог выработать в себе стойкую реакцию на них. Даже было где-то стыдно перед ними, ведь он успел уберечь своих, а они – нет. Ведь он получал письма с ненавистными фразами в свой адрес, а они – со словами утешения от оставшихся в живых родственников. Так

было и сейчас. Захаренко получил письмо от своего старшего брата Петра Васильевича, оставшегося в Донецке. Тот писал, что дети Федора попали под очередной обстрел, а жена Надежда – погибла от бомбы, закинутой кем-то в жилой дом. Все трое ребятишек – 15-летняя Аня, 13-летний Антон и 5-летняя София, были убиты с разницей в несколько минут. Рота старшего пыталась защитить город, но, непонятно кто, как и все непонятное в этой войне, сумел прорваться в осажденное поселение, и расстрелять часть мирных жителей. Кроме Анечки, Антошки и Софийки погибло еще 38 человек, ставших живым и непреднамеренным щитом родного Донецка. Надежда видела смерть своих детей. Она без толку слонялась по пахнувшему порохом городу и искала смерть. Так уж вышло, что смерть нашла ее первой. Придя в дом к своей, умершей еще до войны, свекрови, Надежда осталась там, и, спустя, несколько часов, приняла бомбежный обстрел. Все дома опаленного Донецка остались без крыш, с одними стенами, а дом четы Захаренко был стерт с лица Земли. Вместо него появился огромный котлован, где ни мебели, ни тел не осталось.

– Уйди, – не поднимая глаз, простонал Захаренко.

Остапенко понимал, что сейчас не лучшее время для разъяснения понятия субординация. Он взял старый бушлат и вышел на улицу.

Спустя пару минут, в его комнату постучали. Захаренко, застывший на коленях в тупом иступлении, не слышал сту-

ка, как и не видел того, что к ними зашел Мартюк.

– Захаренко!

– Что?

– Ты письмо получил с Донецка?

– Уйди...

– Тебе Сибитов приказал беглянку в карцер сопроводить... Ну ладно, я сам доведу...

– Стой. Где она?

– У нас в будке

– Я доведу...

Она так и осталась стоять в пороге бывшего склада спортивного инвентаря. Ютясь на крошечном уголке комнаты, она жадно цеплялась взглядом за каждый миллиметр пространства. Сибитов и Стопко демонстративно пытались ее не замечать. Они были заняты просмотром карты, и разметкой ее между «Мухой» и «Стрекозой». Она же, сперва, наблюдала за движением часовой стрелки, которая перешла от полвторого ночи к четверти третьего, затем – прильнула взором к непонятной тарахтящей машине, а потом, буквально уставилась на чашку с коровкой, где остывший чай уже успел оставить темные разводы. Все это время, она пыталась вспомнить, как здесь оказалась. Но, чем больше она напрягалась, тем сильнее сгустки памяти отдалялись от нее, превращая все отдельные события сегодняшнего вечера в одну точку, точку не возврата. КПД от ее усилий не было никакого – лишь изредка вновь кровоточила рана на голове. Сначала, она хотела попросить новых для нее людей о помощи, но потом поняла – что помощи ждать не от кого.

Когда минутная стрелка вновь остановилась на цифре тридцать, в будку зашел Захаренко.

– Вызывали?

– О! А вот и наш герой невидимого фронта явился! – не глядя на него воскликнул Сибитов. – Захаренко! Где тебя

черти носят? Вроде же как Мартюк давно ушел, а ты только явился...

Не известно, сколько бы продолжалась его тирада, если бы не была остановлено толчком кулака в плечо от Стопко. Сибитов обернулся на Захаренко. Перед ним стоял взрослых, 40-летний солдат с заплаканным как девчонка лицом, и черными пустыми глазами. Он молча стоял и смотрел на Сибитова, пока тот отчитывал младшего по званию. Она же беспомощно обернулась в сторону Федора, и, поняв, что случилось что-то страшное, отвернула лицо.

– Ты... это... может чаю? – виновато начал Сибитов

– Не хочу я вашего чаю. Куда эту вести? – указывая пальцем, произнес Захаренко

– Ее в третий, как обычно. Под ключ запри... Утром выпустить надо, к нам обратно приведешь, – сбивчиво говорил Стопко.

– Хорошо. Пошли...

Она почувствовала резкий толчок автоматов в свой живот. Ей было страшно представить, что пережил человек, доведенный до такого состояния. Стараясь не глядеть в лицо, она, молча, обернулась и пошла вслед за ним. Захаренко шел ровно, словно отчеканивал каждый свой шаг. Его мерный путь показался неестественным для нее. Она подумала, что сейчас Федор пытается показать всем, что у него ничего не произошло, но мелочи, его выдают. Так или иначе, она шла за ним.

Мимо них проходили другие солдаты. Большинство из них шатались без толку, небольшими группами и с сигаретами в зубах. Все они никак не реагировали на проходящего мимо Захаренко с новой женщиной, настолько эта картина была привычной. Где-то вдали изредка раздавалась автоматная очередь и пьяный гул мужских и женских голосов. Она вспомнила, как тот молодой с пластырем на носу, упоминал торжество по случаю то ли чьей-то свадьбы, то ли чьего-то дня рождения. Это успокоило ее, ведь, если люди в военной форме еще справляют праздники, значит на этой земле не все так плохо.

Они остановились у жестяной двери закрытой на амбарный замок. Захаренко развернулся к ней:

– Ты кто такая?

– Я не знаю...

– Ты кто, сука, такая? Откуда ты?

– Я не знаю...

– Русская? Белоруска? Кто?

– Не знаю... Не знаю... Не знаю ... – вновь начала истерить она. Слезы градом покатались по щекам. Она почувствовала сильную боль в районе живота. Захаренко ударил ее автоматом.

– Вы все... Откуда вы здесь появились??!! – кричал он, ударяя ее раз за разом по животу. – Вы... Это вы все сделали... ВЫ!

Она пыталась сжаться, присесть на корточки, увернуть-

ся... Ничего не получалось. Федор схватил ее за волосы и начал избивать кулаками. Первые удары пришлись по лицу: он явно не рассчитывал силы, и она почувствовала, как запекшаяся рана у носа, вновь начала кровоточить. Пытаться вырваться не было смысла – он еще сильнее сжимал ее растрепанную косу, образуя петли вокруг своего кулака. Через пару секунд, Захаренко бил уже по животу и в грудь. Он держал ее, так как держат грушу во время боксерского спарринга. Она же глотала слезы и выла от боли... Насытившись ее болью, он оттолкнул ее к двери с такой силой, что раздался звон. Пиная ногами ее обездвиженное тело, он открывал замок. Когда механизм поддался, Федор последним рывком швырнул ее в темную ступенчатую бездну.

...

Слезы уже не шли... Она была в сознании, и тем самым усиливала свою чувствительность. Она мечтала выключиться, но все, все то, что с ней произошло в последние пять минут, ее сознание вполне отчетливо воспринимало. Она забилась в угол, надеясь, что не выберется оттуда. В голове мелькала лишь одна мысль: за что ей все это? И что такого та, она, которую нынешняя не помнит, натворила?

Отмечание свадьбы сына Сивцова прервала страшная новость – Захаренко повесился на ремне около общежития. Все гуляние мигом утихло, когда на пороге казармы, где происходило празднество, появился Остапенко с растерянным видом.

Егор Сивцов – последний отпрыск славного рода виноделов – три дня назад сыграл свадьбу в Медыке, где остались родственники его новоиспеченной супруги. Бракосочетание было пышным: гостей созывали со всех стран. Странно было наблюдать, как в это время неназванной войны, за одним столом кричали «Горько» молодым белорусы, россияне и украинцы. Все они, так люто возненавидевшие друг друга за последние четыре года, отгадывали загадки подружек невесты на выкупе, танцевали вокруг стульев по заданию тамады-тесть, подкладывали деньги в ползунок «за мальчика». Время остановилось на этот день.

Светланка – молодая и худощавая избранница Егора, должна была окончить медицинский ВУЗ, но пришедшая неразбериха внесла свои коррективы. Вместо препарирования лягушек, она резала настоящие тела и изучала анатомию в полевых условиях. Егор же, так и не доучившийся в Харьковском ПЕДе, не задумавшись, сменил учительский мел на резиновые сапоги. Они смеялись со своей истории

знакомства.

На войне принято, что бы солдат попал в госпиталь и там увидел любовь всей своей жизни. Но это была непонятная война, и непонятным было все, что на ней происходило. Светланка повстречала Егора во время того, как грабила продовольственный магазин вместе со своими подружками. Провинциальная Ворьвоивка не радовала гастрономическим разнообразием, а после бомбежки Харькова в февраль 2017, и вовсе предоставляла гурманам хлеб, воду и сало. Еще когда-то Светланка была вегетарианкой, сейчас же она стало всеядной, в прямом смысле этого слова. Когда в феврале 2018 вместе с Катькой Пшейкиной и Таней Сотко отправились на вылазку в старый магазин, где по уверению местных жителей еще остались крупы и консервы, она далеко не рассчитывала повстречать будущего мужа. Так уж получилось, что Егору выпала смена в день защитника Отечества, и он, вместе со своей бригадой объезжал деревни Красноградского района. Услышав, как кто-то неумело копошится с замком, Сивцов направился туда. Какого было его удивление, когда перед ним стояла молодая испуганная девушка, больше походившая на затравленного ребенка, чем на вора-рецидивиста. Так они и познакомились. Так они и свадьбу сыграли – в суматохе, неразберихи и со случайными людьми.

Родители Светланки были некогда влиятельными людьми в Харькове. Они сразу восприняли выбор дочери как удачную партию, пусть и в это, непонятное время. Род Сивцо-

вых был известен по всей Украине изысканностью десертных вин. Война-войной, а выпивка всегда в почете будет, – думали они. Да и Светланке жить легче будет, там за границей мирной Польши.

По-быстрому была организована свадьба – 35 человек, приходившиеся молодым очень дальними родственниками. Брат и отец Егора не смогли приехать: первый удрал с Украины еще в 2014, второго – не отпустила война. Родители же Светланки смогли прорваться через границу, да еще и прихватить с собой престарелую прабабку. Люди приходили сами собой, без приглашения, но с подарками. Из знакомых жениха и невесты, кроме родителей, были Катька Пшейкина, Таня Сотко и пару сослуживцев Сивцова. Свадьбу играли в доме друга отца Катьки – поляка Пшевича, радушно принявшего гуляющую молодежь.

Сергей Петрович Сивцов, тем делом, уже как два дня гулял вместе со своими сослуживцами в Чернигове. Он даже достал бутылку вина – последнюю реликвию, оставшуюся от знаменитого рода. Кутил весь гарнизон; здесь было все: и пьяные песни с танцами, и шуточные дуэли на консервных ножах, и танцы с девицами из общежития, и громкая стрельба в честь здоровья молодых.

Все это было прервано визитом Остапенко. Не то что бы его никто не звал, просто люди к Сивцову приходили сами. А тут Остапенко, да еще и с такими новостями. Сергей никогда не дружил к Захаренко. Они просто не пересекались – их

смены по вылазкам стояли друг за другом, и пока один спал, второй объезжал окрестности в поиске беглецов. Но многие из тех, кто был на гулянье, хорошо общались с Федором. На несколько минут зависла гробовая тишина. Все вспомнили, что где-то там существовали их семьи, такой же неспокойной жизнью, грозящей оборваться в каждую минуту.

Труп Захаренко висел напротив окон его любовницы – Настасьи. Уже позже, пошли слухи, что лишившийся семьи, и впоследствии рассудка, Федор пришел к женщине, но та его выставила, так как занята была другим любовником. На самом же деле, Настасья в тот вечер валялась на своей кровати, мучаясь от боли в почке. Еще до войны, доктора ставили ей различные диагнозы с общим выводом – надо удалять. Но тут случилось то, что случилось, и вот, уже третий год, Настасья гадала, отчего она умрет раньше: от инфильтрата почки или от бомбежки. В этот вечер она твердо решила, что почка победит в этом соперничестве. Возможно, Захаренко и заходил к ней в эту ночь, и даже стоял и стучал в ее двери, но, умирающая в агонии внутренней боли, Настасья ничего не слышала.

Именно она и нашла тело своего любовника. Проснувшись в четыре утра, женщина краем глаза увидела в окне лицо Федора. Все бы ничего – но окно Настасьи находилось в полутора метрах от земли, и при всем желании, Захаренко бы не смог смотреть на нее. Подойдя ближе, он увидел, что любовник не стоит, а парит в воздухе, а ветка цветущей

щего каштана изогнута дугой от веса его тела. По всему общежитию пронесся оглушительный крик. Все, кто был в тот момент в комнатах (а их было немного, большинство обитательниц этого здания находились у Сивцова), выбежали в коридор. Среди женских фигур была и одна мужская – генерала Остапенко. Он приказал всем сохранять спокойствие, но сам не смог утихомирить свою верхнюю губу,двигающуюся, словно подвязанную на рыбацкую леску.

Прошло еще несколько минут, и вокруг трупa на улице уже собралась толпа зевак. Рядом с повешенным они нашли бутылку самогонки и несколько фотографий, сделанных, по-видимому, еще в двухтысячном. Там была запечатлена молодая Надежда, в обнимку с Захаренко. Фотографий детей у него не было, как не было их и у большинства собравшихся. Никто из них и не думал, что все те цифровые технологии, пришедшие в 2008, станут абсолютно бесполезными в 2020.

Самоубийства были не новостью в черниговской части. Месяца за два до Захаренко застрелился бывший командующий части Смольников, на место которого и прислали Остапенко. Он не выдержал первого настоящего боя, который был на этой относительно спокойной земле.

Смольников – великолепный стратег военного дела, мог за минуту придумать победоносную схему наступления с наименьшими потерями. Еще в мирное время, он был одним из лучших мозгов генштаба, и, поэтому, начальство, не опасаясь, послало его защищать границу. В реальной же

жизни толку от него не было никакого. При первой же бомбежке, Смольников понял, что здесь не игрушечные модели масштабом сто к одному, а настоящие танки и артиллерийки. В суматохе их не то чтобы выставить тактически правильно не представлялась возможным, а даже порой и попросту посчитать. Все настолько происходило быстро, что один и тот же человек мог за пару часов оказаться в списке мертвых, затем воскреснуть, и в итоге приехать в настолько разобранном состоянии, что хоронить приходилось по принципу «две ноги, две руки – человек». Кому принадлежали руки и ноги – скроют страницы истории. Смольников приучал себя к ночным бомбежкам, порой, он даже выходил на улицу, во время их. Но страх, тот, что всегда охватывает студента с базой теоретических знаний перед бытовой практикой, не покидал его.

Когда в мае этого года на Чернигов обрушилась серия воздушных бомб, и с вертолетов прошел пулеметный дождь по мирным поселениям, Смольников не выдержал. Он взял пистолет, подаренный ему за отличное окончание военного университета, и разрядил его себе в висок. Лужа крови была настолько большой, что в штабе, где он совершил свое убийство, прогнил пол. Возможно, это стало одной из причин противления Остапенко расположиться на месте предшественного начальника.

Ну а женщины... Женщины вешались чуть ли не каждую неделю... Кто-то по бабской глупости, как, например, Со-

ня Ставрогина. Девушка повесилась на чулках из-за неразделенной любви к Стопко. Кто-то из-за одиночества – Мария Левко – месяц назад – похоронка на сына. На каждом, так или иначе, была чья-то кровь, но в этой неназванной войне, кровь была обычным заурядным и не выходящем за норму делом.

Она проснулась на рассвете. Черный чулан, куда ее избитую затолкнул Захаренко, оказался обычным соломенным амбаром, через стены которого проникал свет. Открыв заплывшие от синяков глаза, она увидела ссадины на руках и кровь на мастерке. Нос не мог дышать. Жижа, сотканная из крови и соплей, забила полностью гортань. Коса была полностью истреблена, а кровоточина на затылке не переставала струиться всю ночь.

Она попыталась встать. Ноги не держали тело, от усталости и изнеможения. Она по-прежнему не помнила себя, но физиология давала знать, что в той, забытой жизни, она давно не ела. С улицы были слышны голоса солдат, то приближающиеся, то отдаляющиеся в пространстве. Нашупав, увиденную вчера в зеркале рану у предплечья, она решила снять мастерку. Тело ее представляло собой грязный кусок прорешетенного мяса. Кровь смешалось с пылью и песком, образуя сероватые пятна по всему телу. Их она насчитала семь: три больших – у предплечья, левой груди и чуть ниже живота, и четыре поменьше, рассеянных по всему туловищу. А синяки, синяки она не считала. Весь живот был одним сплошным синяком. Рукой она смогла ощупать часть спины. На мгновение она порадовалась, что не может видеть себя со стороны. Через всю стену проходила глубокая цара-

пина.

Она решила подойти поближе к стене, что бы попытаться рассмотреть сквозь солому происходящее на улице. Лишь с третьей попытки, ей удалось привстать. Медленно, на полусогнутых ногах, она добралась до двери, и оперлась об ее ручку. Просветы в соломе были мелкими, и она могла лишь фрагментарно воспринимать окружающую ее реальность. Вот пошел один солдат, в левую сторону, вот – второй, туда же. А вот идут обратно целой группой еще несколько. Все они ходили мимо амбара, не обращая на нее никакого внимания.

Она села спиной к стене и прикрыла глаза. Кто она? Что она тут делает? Где тут? Как она тут оказалась? – и сотни подобных вопросов вереницей пульсировали в ее голове. Сотни, но, ни одного ответа на них. Все, что выдавала ей память – то вчерашнее небо с полярной звездой и крик ворона где-то в вышине. Ни одного нового лица, кроме вчерашних, ни одного нового звука, кроме вчерашних, ни одного воспоминания, кроме вчерашних... Странно, ее память выдавала картинки пятидесятилетней давности – памятники Ленину, Великую Отечественную, цветное телевидение, динозавры, интернет... Все это было, но не было ее. Память стерла ее жизнь из всех страниц истории. Она знала, что с 2014 началась неназванная война, но кто она в ней – оставалось загадкой.

Закрыв глаза, она вновь уснула.

...

Дверь в амбар открылась. Тяжелый замок упал на землю, произведя продольный звон. Она проснулась от этого непонятного шума и увидела Сибитова. Он стоял раскачиваясь на стопах, перенося вес тела с одной части туловища на другую. Вид у него был явно помятый, а под глазами гордо расположились два сонных мешка.

— Ну что, вспомнила, кто ты? — с тем же вчерашним высокомерием начал он.

— Нет, — протирая уставшие глаза и, пытаясь приподняться, ответила она.

— А я смотрю, ночь бурная была. Кто так тебя, Захаренко огрел? Или сама с лестницы слетела... Правильно сделал, вы уже надоели сюда сунуться. Поднимайся. К нам пойдешь.

Боль вернулась к ней. Она медленно, потягивала свое тело по стенке. На затылке опять появились буроватые капли. Сибитов подал ей руку. Опершись на нее, она встала. Их глаза встретились. Внезапно, для самого себя, моторщик впервые увидел потерянный взгляд полный молчаливой боли и отчаяния. Она же заметила лишь искорки сострадания в пустом омуте надменных глаз. Сибитов постарался не сжимать руку, и, словно отстраняясь от нее, приоткрыл дверь.

Солнечный свет, заполнивший все пространство вчерашней ночной улицы, показался ей уникальным, единственным в своем роде. Конечно же, раньше она часто видела свет, но, в пределах, которые отвела для нее память, его больше

не было. Она впервые отчетливо и ясно видела его. В глазах показались слезы, то ли от ослепляющего солнца, то ли от мучительной правды. Правда была в том, что она не знала ничего про себя.

Сибитов, стараясь как можно бережнее придерживать тело своей арестантки, шел медленно. Да, он не один десяток раз до этого выводил таких же как и она беглецов. Таких же избитых и таких же вражеских. Но ни разу, он не чувствовал к ним сострадание, минутой назад порожденное этой хрупкой девушкой. Она же просто шла, шла и не думала о том, куда ее ведут. Тяжело предугадывать последующие события, когда из предыдущих у тебя только непонятная боль и неизвестные здания.

За недолгую неназванную войну Сибитов понял, что единственная возможность оставаться на плаву – это четкое следование уставу. Тем более, тому уставу, создателем которого он отчасти и был. Сегодня, а именно 21 мая 2020 года, он решил его послушаться. Да, в истории, даже с такими ее приверженцами бывают погрешности. Сибитов повел ее не к себе в будку, а в общежитие, окруженное зеваками в военной форме.

Она заметила как несколько солдат, лица которых видела через просветы в амбаре, кружили вокруг цветущего каштана. Странно было даже не то, что столько мужчин в военной форме окружили это дерево, а то, что, не смотря на весь беспредел творившийся здесь, оно цвело. Цвело как-то по-

девичьи мило и ярко. Среди толпы она заметила вчерашнего солдата с пропускного пункта и первого мужчину из новой памяти. Они курили в стороне и что-то бурно обсуждали.

– Ты в курсе, че он вздернулся?

– А ты, шо, Степ, не знаешь? Ему похоронка из Донецка пришла вчера.

– Так, а шо, его еще живые были?

– Ну да, там то ли мать убили, то ли жонку. Никто ж не знает.

– А Остапенко, шо не в курсе?

– Та хер его знает. Он же даже, если и в курсе будет, ничего не скажет.

– Вот так вот. Вчера ж еще его запускать на базе, а тут – на те. Вздернулся.

– Ну так...

– А шо с беглянкой той? Назвалась?

– Та фиг знает. Я еще с моторщиками не говорил.

– Ты Расскажи потом, а то интересно. Обычно ж все только меня на заставе увидят, сазу говорят, что и как. А эта...

– Артистка!

– Слышь, глянь. Сибитов не ее там ведет?

– Да не ее вроде. Та помятая только была, а эта же вроде, забитая какая...

Во время непонятной войны, общежитие было отдано под руководства Павлы Степановны Шейхер. Все понимали, что командование уцелевшего мирного объекта лучше отдать коренному жителю, тем более, женщине, тем более, еврейке. Неназванная война сделала врагами целые страны, с их политикой. Люди же, словно запечатлелись в границах старых государств. Русские, белорусы, украинцы, евреи, татары, узбеки и все прочие стали делить себя не по народам, а по странам. Павла Степановна, была убежденная еврейка, и по сложившемуся в умах всевышних плану, должна была капитулировать в Израиль, на место своей исторической родины. Ну что же делать, если эта война застала ее в пределах Украины, где Шейхер жила всю свою жизнь. Именно так, она стала молчаливым представителем еврейского народа.

Еще в мирное время Шейхер называли «старой девой». В свои 53 года, она не то чтобы ни разу не была замужем, за ней не видали зоркие глаза соседок ни одного ухажера, не смотря на то, что общежитие литейщиков наполнилось разноразрядными мужчинами. В годы былой молодости, этому способствовал ее отец – Степан Иосифович Шейхер, состоятельный еврей, держащий в своих руках, целую сеть аптек Чернигова. Это именитое семейство пережило перестройку 80х, рэкет 90х, беспредел нулевых, и, даже всю желто-голу-

бую революцию 10х. А вот неназванную войну – не смогло. Как только начали бомбить по Луганску, со Степаном Иосифовичем случился инсульт. И сколько бы таблеток, микстур и настоек не хранила черная бухгалтерия мирных аптек, все они стали бесполезными в военное время. Богатого еврея похоронили на общественном кладбище, без памятника и без креста. Изольда Львовна, новоиспеченная вдова, надеялась заказать супругу обелиск у лучших мастеров, но, спустя полгода, отправилась за ним вслед: на то же самое кладбище, и без того же самого креста. И, вот уже на плечи Павлы Степановны, легли заботы о памяти усопшим. Сколько она ни просила помощи у бывших друзей родителей, сколько ни бегала по еще существующим администрациям – все было без толку. Но, Павла Степановна, оказалась сильнее неназванной войны. В 2017 ей удалось связаться со свояченицей из Гуш-Дана и заказать два памятника. Памятники отправились вместе с гуманитарной помощью красного креста, и, должны были приехать в Чернигов к двадцатым числам сентября.

А пятнадцатого сентября произошло страшное. По окраинам Чернигова начали бомбить. Вместе с несколькими деревушками, с лица Земли было стерто и общественное кладбище с могилами Степана Иосифовича и Изольды Львовны. Война победила. Когда, двадцать третьего сентября пришли памятники, Павла Степановна голосила на всю округу. Смольников распорядился перенести монументы в под-

вал общежития. На утро, военная часть увидела, и без того, некрасивую еврейку с поседевшими за ночь кудрями...

Сейчас же, в 2020, Павла Степановна жила тихую и угрюмую жизнь. Многие подшучивали, что, если бы Остапенко и она сошлись, на свет появились самые спокойные дети. Женщина качественно выполняла свою работу. Все плиты и стены в общежитии оставались чистыми, а жильцы временного пристанища, довольными своим расселением. Как только назревал какой-нибудь конфликт, все знали – нужно идти прямиком к Павле Степановне с символическим подарком. В 2017 – это были оставшиеся от мирного времени конфеты, ныне же их заменяли собранные в поле цветы. Безусловно, подойти к Павле Степановне можно было и без них, но тогда еврейка начинала юлить и рассказывать ветхозаветные притчи об иудеях. Но, все же, помогала.

Двадцать первого мая она, как и всегда, встала в пять утра, чтобы успеть распределить постельное белье между комнатами. Стиральных машин, естественно не было, как и не было у многих постояльцев собственного имущества. Павла Степановна мудро распределяла между всеми остатки былой роскоши общежития, таким образом, что в запасе еще оставалось три-четыре комплекта чистых пододеяльников и простынь. Так, на всякий случай.

В семь пятнадцать она услышала стук в дверь. На пороге перед ней стоял Сибитов и хрупкая девушка, все чумакая и побитая.

– Павла Степановна! – почти криком раздался голос моторщика, – вам поручение от меня – дайте этой беглянке чистую одежду и сопроводите ее в душ.

– Тю, Алеша, та на кой так кричать! У меня же девки, все спят еще! – по-домашнему пожурела хозяйка. Все боялись Сибитова, но только не она. Этой женщине, с двумя памятниками родителям в подвале, нечего было бояться. – Ты б пришел, попросил – я б шо, отказала?

– Павла Степановна, это приказ.

– Да шо ты! Приказ! Ты своим солдатам приказывай, Павле Степановне – не надо. Павлу Степановну попросить можно, – продолжала журить она. – А ты кто будешь? Русская, белоруска?

– Павла Степановна, я бы попросил! Не разговаривайте с ней. Ваша задача – помыть и одеть.

– Слушаюсь, господин хороший! – иронична произнесла она. – Шо ты, дите совсем запугал. Ну, ходь сюды, красавица. Молчать вместе будем.

Сибитов отпустил руку беглянки. Она, впервые почувствовав себя в безопасности, сделав несколько шагов в сторону к незнакомой ей женщине.

– Тю! Да не бойся ты, дурная. Алеш, во сколько ее к тебе привести? – улыбаясь спросила Павла Степановна.

– Я тут побуду.

– А! Ну хочешь быть – будь. Так, милая, снимай мастерку, я своё тоже сейчас стирать буду. – игриво начала стягивать

с себя льняную рубашку еврейка. Она же, просто стояла рядом и смотрела на Сибитова.

– Вам часу хватит? – спросил тот, начав смущенно отворачивать глаза.

– Часу? Тю! Алеш, ты давай иди там к своим, у вас есть чем заниматься. А я тебе ее приведу, как смогу, – опуская вниз полы рубашки сказала Павла Степановна. – Иди, иди.

– Даю вам два часа – прошипел моторщик, и, вышел из комнаты.

Она осталась в комнате с незнакомой ей седоволосой женщиной. Оглянувшись по сторонам, она заметила, что в каждом углу стоят иконы, а стол, не по-военному заслан скатертью, на которой, лежат цветы каштана.

– И кто ж ты такая, милая? – спросила Павла Степановна

– Я не знаю...

– Ты мне можешь все говорить. Павла Степановна не обидит. Павла Степановна уже столько беглянок спасла, что ей некогда в политику их вникать.

– Я честно не знаю...

– Так... Ну не хочешь говорить – не надо. Ты смотри. Сейчас я тебя в душ отведу. Он общий, но наши барышни пока спят, а командир уже помылся. Так что – иди смело. Там только холодная вода – сама понимаешь. Если кто войдет – говори смело «я от Павлы Степановны». А я пока по нашим пройду, тебе что-нибудь одеться нового принесу. Свои вещи в душе постираешь. Мыло сейчас выдам.

– Спасибо вам.

– Тю! Та не за что. Кто знает, Земля – круглая. Все помогать должны! Вот – мыло. Пошли за мной.

Павла Степановна взяла за ее руку. Теплая и влажная ладонь женщины, для нее показалась такой знакомой и родной. Они пошли по длинному коридору, ведущему к душевой.

– А, ты, я смотрю замужем? – спросила хозяйка.

– Я не знаю... – взглянув на кольцо ответила она. Странно, еще вчера она видела его, но за этот короткий промежуток времени совсем забыла. Ведь кто-то там, скрытый в глубинах памяти, ищет ее. Наверное, есть муж, родители, дети... Но где они и кто они – она не знала.

– Ну ладно. Я лезть не буду. Пусть моторщики выясняют. Так, смотри. Тут шесть душевых. Три из них работают – первая слева, и первая с третьей справа. Краник везде один – с холодной водой. Мыло даю, но, смотри, все его не вытри. Половина должна остаться. Вещи я тебе принесу, эти можешь смело стирать.

– Спасибо.

– Та не за што. Все иди, – подтолкнув собеседницу к двери, заключила Павла Степановна.

Она вошла в обитую некогда белой плиткой комнату, стены которой были исписаны похабными фразами и не менее похабными рисунками. На них отразился немой диалог между двумя временами и двумя потоками жильцов этого общежития. Более стертые записи, выведенные гвоздем по ржа-

во-белой плитке, были видимо посланиями литейщиков. Более новые – перламутровым и красным лаками для ногтей – ответами на них, нынешних обитательниц.

Наиболее привлекательным предметом в этой комнате было зеркало. Оно было просто огромным, по сравнению с тем, которое висело у Остапенко. Занимая пространство от потолка до пола, зеркало стало центральным местом в душевой. Она остановилась около него. Даже вчерашнее, испуганное и испачканное лицо, не могло превзойти по своей страшноте, это, неживое. На нее смотрели те же самые голубе глаза, но обрамлены они были не сонными мешками, а багровыми овалами синяков. Несколько глубоких царапин, идущих ото лба к левой щеке, соединялись воедино в одной большой ссадине. На шее и ключицах виднелись протертые до крови следы вчерашнего падения по ступенькам. Колени были сбиты. Развернувшись спиной, она увидела ошупанную с утра царапину. Она действительно проходила вдоль всего тела, и останавливалась у косточек поясницы, где сливалась с огромным бурым пятном – еще одной ссадиной. Пытаясь прощупать затылок, она наткнулась пальцами на большую рану. Оттуда, вновь, полилась кровь.

Она закрыла глаза и заплакала. Стон безысходности и неопределенности раздался в комнате, и эхом пролетел сквозь все пространство. Нужно было выбираться из всей этой белеберды, творящийся вокруг. Но куда и к кому – оставалось вопросом.

Тем временем, Павла Степановна проходила веренные ей комнаты общежития. Обычно, в каждом блоке жило шесть человек. В основном это девушки, но бывали и исключения, как, например Остапенко, и семья Скоро. Война – войной, а дети рождались. Совсем еще мальчиком пришел Паша Скоро в Чернигов, где, в отличие от бурной жизни Донецка, текла почти мирная. Так уж произошло, что Пашка влюбился в молодую девушку, Аню Самойкину, и уже здесь, стал настоящим мужчиной. В 2017 у них родился ребенок – прекрасный трехкилограммовый богатырь с ямочками на щеках как у папы, и тихим нравом как у мамы. Делать нечего – пришлось дать целый блок, тем более, что новорожденный Ваня, был первым ребенком в неназванной войне Чернигова.

Блок Скоро Павла Степановна миновала – и будить не хотелось, и одежда располневшей от беременности Ани была явно велика беглянке. Хозяйка знала всех своих жильцов в лицо, и определить, что из их гардероба подойдет новенькой – не составляло труда. Первой, к кому она пошла была Мария Лойко – красивая, стройная и своенравная девушка. Она славилась по всей части тем, что ни одному из солдат, ни разу не дала повода усомниться в своей верности мужу, лейтенанту Нижинской части. Разведя руками, Мария показала всю свою одежду – все что осталось от прежней

жизни – две майки, старомодная кофта и пару джинс. Оби-
рать, и без того бедную девушку, Павла Степановна не ста-
ла, и отправилась в другой блок, к Любе Мошкиной. Мош-
кина, хоть и была нравом подемократичнее, чем Мария, то-
же особой роскошью похвастаться не могла. Еще вчера все
свое белье, а именно три накидки, пять маек и пару штанов,
она постирала, и ныне, в семь часов утра, могла дать лишь
сорочку, в которой стояла перед комендантшей.

Осталась последняя надежда – шкаф Насти Замятько.
Павла Степановна часто стыдила эту девушку, читая ей биб-
лейские притчи про блудниц, но на Настю это никак не дей-
ствовало. Рыжеволосая Замятько, как перчатки, меняла но-
вых кавалеров, и за несколько лет военной жизни, привыкла,
что все стоит денег и вещей. Одежды у Насти было предо-
статочно, что часто вызвало зависть у ее подруг. Павла Сте-
пановна застала ее, как раз в объятиях нового жениха – мо-
торщика Стопко. Еле добудившись сонную пару, женщина
начала ругать свою постоялицу. В общежитии никому нель-
зя было находиться в ночное время, а Стопко, по видимому,
задержался на одинарной кровати Насти со вчерашнего ве-
чера.

– И сколько я тебе говорила Настя, что ходи к своим ха-
халям сама, а не тащи их сюда!

– Павла Степановна, утро же, дайте поспать...

– Я тебе сейчас посплю! А ну, поднимайте свои жопы. Ты,
Саня, тащи ее к себе в штаб, Сибитов уже на ногах. А ты,

шлендра, открывай шкаф, дело к тебе есть.

Больше всего приход начальницы общежития пугал именно Стопко. Он знал про внутренние распорядки, и знал, что может быть за их нарушение. Наспех собравшись, он пулей вылетел из комнаты. Настя же, полусонная сидела на кровати, и, потягиваясь, пыталась понять, что происходит. Ни то чтобы она боялась Павлу Степановну (среди ее ухажеров числились те, кто защитит в любой ситуации), просто ругаться, да еще и с утра, ей не хотелось. Девушка привыкла со всеми мирно договариваться, как, например, договаривалась со своими соседками. То кофточку новую им подсунет, то помадку, то лак, почти целый – и, глядишь, оставят они на время свою комнату.

– Не кричите, пожалуйста, Павла Степановна, всю округу разбудите!

– А ты своими криками по ночам, не будишь? – злобно спрашивала начальница, подходя к шкафу Насти.

– Зачем вы пришли?

– За вещами для беглянки. У вас с ней один размер, а девочке, совсем одеться не во что.

– За моими вещами?

– Да, за твоими. Тебе, шо, жалко?

– Так было бы что брать!

– А шо – нечего?

– Нечего...

Тут Павла Степановна не выдержала. Не то, что бы она за-

видовала этой популярной гарнизонной девице, просто вся та злоба, та женская ненависть за ущемленность по молодости, так давно томимая в ее душе, вырывалась наружу. Женщина, будто бы рывком переметнулась от шкафа к кровати, и, уже в мгновение ока, держала Настю за волосы.

– Ты, сучка малолетняя. Ты... подстилка, ты говорить будешь мне, что ничего у тебя нет? Шкаф от вещей ломиться, а тебе одной кофты жалко?

– Павла Степановна, что вы делаете!? – пытаюсь вырваться, шипела Настя

– А ну быстро подняла свою жопу, и достала мне свои шмотки!

– Павла Степановнаааа... отпустите...

– Быстро, тварь! – тем же самым рывком отпустив волосы, прохрипела комендантша. Настя с ошеломленными от страха и внезапности глазами, на четвереньках пробиралась к шкафу. Если бы кто-нибудь из ее соседок, зашел бы в тот момент в комнату, то не узнал бы в ней ту ослепительную и всесильную, но открыл бы другую, жалкую и ничтожную Настю. Павла Степановна презрительно рассматривала клочки рыжих волос, оставшихся в ее руке. Женщина ухмылялась. Она была счастлива, что сейчас, в свои 53 года, во время этой непонятной войны, она нашла отдушину. И отдушиной оказалась именно Настя.

– Держите, – протянув белое воздушное платье и вязаную кофту, полушепотом протрепетала она – остальное все гряз-

ное. Это – новое. Вчера только Стопко принес. Горделиво и надменно Павла Степановна встала с кровати и прошла вдоль комнаты к шкафу. Он выхватила сверток, и, молча, вышла за дверь.

Идя по коридору к душевой, Павла Степановна пыталась осознать, то, что сейчас произошло. Будто кто-то из вне, та, молодая и по своему красивая Павлуша, вселилась в это покрытое морщинами тело. Павлуша хотела мести: за отсутствие женихов, за насмешки, за гибель родителей... Павлуша так давно просила эту старую Павлу Степановну, привыкшую быть честной и по-еврейски мудрой... Павлуша победила ее, там, в комнате, где сейчас обливается слезами Настя.

Она сидела на кафеле, вновь и вновь пытаясь хоть что-либо вспомнить. Рядом стопкой лежали только что постиранные ей вещи. Она смотрела на них, и понимала, что все, что произошло с ней вчерашним вечером и ночью, фантомно перенеслось на эти джинсы, байку и кеды, и, словно бы, осталось лишь там. Пусть, это будет первым ее воспоминанием о нынешнее жизни. Но здесь, среди этих ржавых стен и бранных надписей, сидела чистая, новая она. Она, которая хотела вспомнить все то, что было до этой одежды. Раны, четко видимые теперь на голом теле, она решила тоже забыть, оставить здесь. Они заживут, а она – нет. Предыдущая же жизнь предательски молчала.

Послышалось шарканье по коридору. Она узнала в нем, знакомые звуки из новой жизни. Спустя полминуты, раздался громкий стук в дверь и звенящих голос Павлы Степановны:

– Беглянка! Помылась уже? – пропела женщина, высунув руку со свертком в дверной проем. Сама же она, попыталась максимально остаться по ту сторону душевой, и даже, для собственной уверенности, закрыла глаза. – Я тебе тут принесла кое-что. Возьми, одень. С обувью, правда, не вышло. Оденешь старые свои... Тут еще бинты с ватой. Я видела у тебя пару кровоточин.

– Спасибо, – уже у двери, ответила она.

– Я через пару минут зайду, а пока – одевайся.

Павла Степановна вышла в коридор. Улыбка победителя уже успела перерасти в обычное, умудренное годами, выражение лица. Лишь внутри еще остался легкий налет немого празднования.

Она, тем временем, примеряла на себе кипельно белое платье. Станным казалось то, что, здесь, на непонятной войне и в непонятном гарнизоне, еще осталась такая девственная чистота. Подойдя к зеркалу, она увидела новое, совершенно непонятное существо. Все те же испуганные и уже подпухшие от слез и синяков глаза, все те же ссадины и раны, все тот же изнеможенный вид. Но уже другое существо – белое и гордое. Сумбурная картина – кеды, платье, распущенные волосы, окутывающие плечи, буроватые следы...

– Какая красавица! – вновь раздался знакомый женский тембр. Она обернулась. В пороге стояла Павла Степановна с новым свертком голубоватого цвета. – Я тебе еще тут из своего кое-что принесла. У нас дни ветреные, так простудишься.

Она покорно взяла новый подарок. Подарок от первого человека, отнесшегося к ней, как к равному себе, такому же... Человеку... – Ну теперь все, пошли к моторщикам, а то Сибитов там себе места не находит.

Сибитов действительно не находил себе места. Он волочился из угла в угол в своей маленькой комнатушке, предна-

значенной для проживания троих моторщиков. Идти в штаб тире кладовую, ему не очень-то хотелось. Впервые в этой непонятной войне он испытал человеческое чувство. Чувство сострадания. И оно, явно не вписывалось в заверенный верховным командованием, устав. Как себя вести? Ведь он, один из лучших моторщиков, должен был беспристрастно расспросить беглянку, а, затем, отрапортовавшись начальству, перевести ее либо в Запорожье, на старый кабельный завод, а ныне – завод по выпуску снаряжений для артиллерии, либо направить восвояси. И тот, и другой вариант означал бы для девушки гибель. С Запорожья никто не возвращался – туда боялись идти. Нет, там не было картинок сошедших с немецкой хроники концлагерей. Кормили там хорошо, работали исправно, нормы труда выполняли... Но вся атмосфера рабской жизни, вела людей к самоубийству. Как двадцать пятый кадр, у многих беглецов, откладывалась картинка неминуемой гибели, и они, словно загипнотизированные кем то, вешались на струпьях, топились в речках, выпрыгивали из окон. Все боялись кабельного завода страшнее смерти. Ведь смерть приходит моментально, а служба на заводе, растягивается на долгие месяцы, и ведет к тому же результату. Никто из беглецов не вернулся.

Второй вариант – вернуть беглянку на родину – означал отправить ее на второй круг. Все знали, что те кто бегут, бегут ни от хорошей жизни, а, значит – спасаются. Что должно произойти в душе человека, способного спланировано при-

дать родину, и обменять ее на более спокойную и сытую чужбину? Все знали, что беглецы всегда бежали повторно. Кто-то напролом штурмовал ту же самую границу, кто-то – находил обходные пути. Быть пойманным во второй раз означало смерть.

В итоге, оба варианта вели к одному и тому же. И поэтому, Сибитов не находил себе места, пытаясь найти место для нее. Сострадание... В его голове прокручивались детские годы, и, словно вспышками, всплывали фрагменты из нищей юности. В родном ему Луцке никогда не было работы – все заводы стояли, все жители – пили. Сибитова воспитывала одна мать – отца, одного из самых честных в городе пограничников, в одну из смен, расстреляли отморозенные гости Украины. Он не хотел допускать их в страну, то ли из-за просроченных паспортов, то ли, и вовсе, из-за отсутствия таких. Хоронили всем отделением. Маленькому Алеше тогда только исполнилось восемь. Мать долго держалась. Она еле сводила концы с концами, работая на кирпичном заводе, наравне с мужиками. Когда завод распустили, и мать, с десятилетним сыном, отправили на биржу труда, она не выдержала. Сдалась и взялась за стакан. Год за годом, Алеша видел падение матери. Нет, это было не сразу. Поначалу, раз в неделю, как правило, по пятницам, она собиралась с такими же, оставшимися без работы, подружками. Потом дважды. Потом трижды. А потом – недельное, месячное и круглогодично. Из пышной и сильной женщины, она преврати-

лась в немогущую и страшную статую с трясущимися руками. Сибитов знал, что будь отец жив, этого не было. Но его убили. Месть стала единственной целью для уже подросткового Алексея. И поэтому, шестнадцатилетним парнем он сам пошел в армию, а когда пришла война — сам же ввязался в нее.

Уже четвертый год он исправно служил своей мести, и никак не планировал ее предавать. Но, внезапно для самого себя, он осознал, что цель его жизни уступает позиции глупому и практически животному чувству человеческой жалости. Исправный моторщик стал обычным слюнтяем. Этого Сибитов позволить себе не мог, также, как и не мог сейчас выйти из комнаты и отправиться на допрос беглянки.

Она же, тем временем, шла по уже запомнившейся утром дороге к штабу моторщиков. Под руку ее вела Павла Степановна, ухитрившаяся привести и себя в порядок. Она же смотрела на все, и вновь пыталась вспомнить прошлую жизнь. В ответ она видела заинтересованные взгляды солдат. Не было уже толпы у каштана, не было слонявшихся без дела людей. Каждый занимался работой, или создавал такую видимость. Кто-то чистил оружие, кто-то стирал форму, а кто-то слушал другого кого-то, явно старшего по званию. Она же шла и ловила их взгляды.

Позади две женщины слышали звук открывающейся металлической двери. Павла Степановна уверено повернулась в сторону двухэтажного барака, на пороге которого появился Сибитов. Вид у него был растерянный. Он увидел беглян-

ку, и вся та напускная уверенность, так долго наводимая им в комнате, исчезла. Сибитов подошел к Павле Степановне, и что-то невнятно пробубнив, вырвал беглянку.

– Ну так ты что, с этой сегодня? – раскачиваясь на стуле в инвентарной спрашивал Мартюк.

– Да! Она такая... – отвечал ему из другого угла Стопко, пытавшийся найти заварку вчерашнего чая.

– И как она?

– Ну, баба то – что надо! Ты чай не видел?

– Так он вчера же еще закончился.

– Е-мое! – Стопко остановился, и направился к собеседнику – Я ей, это, платье подарил, которое помнишь еще, на прошлом дежурстве в магазине нашли. И тут понеслось!

– Так его ж вроде Захаренко для дочери забрал.

– В том то и дело – забрал. А вчера – повесился! Вот и мне добро перепало. А кружки где?

– Глянь на столе Сибитова, он что-то задерживается сегодня.

– Ага. Способ ищет, как беглянку вчерашнюю расшпионить. Штирлиц недоделанный.

На этих словах, в инвентарной распахнулась дверь, и на пороге показался герой разговора с испуганной героиней.

– Во-первых, не шпионку, а беглянку, Стопко, а во-вторых, по моему столу рыться нельзя.

– Виноват! – по-мальчишечьи став в стойку, растеряно

произнес Стопко. Вслед за ним, в стойку выпрямился и Мартюк, пытаясь придержать стул ногой.

– Дибилы. – злобно кинул в их сторону взгляд, сказал Сибитов. – Так, беглянка, иди садись за мой стол, и пиши, кто ты и как здесь оказалась.

– Я не знаю, – уже смиренно произнесла она.

– Опять не знаю! Села и пишешь откуда, как и почему здесь! Ясно!?

– Ясно, но я не знаю, что писать.

– Стопко, иди за мой стол и помоги этой все написать, а то она опять дуру включила. – гневно пробубнен Сибитов

Стопко вышел из-за стола и направился к выходу, где стояла она. Она, как и вчера, с Захаренко, повинуюсь пошла за парнем, села за стол и начала вглядываться в бумагу. Обычный белый лист, правильной прямоугольной формы, с четко описанными границами, и, пожалуй, даже чуть меньше среднего – но, ей, сейчас он казался огромным. Огромным и пустым. Ничего, даже своего имени она вспомнить не могла. Склонившись, она начала выводить буквы. Странное чувство, вновь овладело ей – она видела свой почерк впервые в новой жизни. Мелкий, дробленный и витиеватый, он словно принадлежал другому человеку.

Сибитов старался не смотреть в ее сторону. Он направился к общему столу, взял какую-то карту и мысленно пытался провести линию реки, название которой он даже не знал. Мартюк уткнулся в аппаратуру, делая вид, что занят рабо-

той. Неуютнее всего себя чувствовал Стопко. Он не знал, куда смотреть и что делать. Это глупое чувство, когда стоишь над занятым чем-то человеком, и пытаешься занять себя. Через плечо беглянки он пытался прочесть ее писанину, но, убедившись в том, что ее почерк еще неразборчивее, чем местного врача, моторщик отвернулся.

Она встала и протянула бумагу Сибитову. Тот, упорно продолжая не замечать ее, взял лист. На нем, прямо по центру, каллиграфически верным шрифтом, было написано три коротких предложения. «Я не знаю место своего рождения и пребывания. Я не знаю цель моего приезда. Я не знаю кто я».

– Значит, не хочешь себе помогать? – протянул он, впервые взглянув на беглянку. Сибитов увидел, что она была растеряна, так же, как и он с утра. Ее глаза блуждали по полу, пытаясь зацепиться за какой-либо объект, но так и не смогли этого сделать. Она стояла, словно школьник получивший двойку.

– Я действительно не знаю, кто я.

– Ты что предлагаешь? Мне тебя пытаться здесь, что бы ты вспомнила?

– Делайте, что хотите, – тут ее голова приподнялась. Теперь глаза беглянки смотрели гордо и стойко на своего мучителя. Голубоватым оловом отливали они, и, словно застывшие где-то в глубине, отражали всю ее боль. Сибитов понял, что, если она и способна сейчас что-то сказать, то это будет

поток ненависти и отчаянья, загнанной в угол женщины.

«А, если она приехала сюда шпионить?!» – промелькнуло в его голове.

– Значит так. Стопко!

– Я!

– Бери эту девку, води в казарму, закрой там под ключ. Через пару часов – приведи. А ты – его глаза вновь встретились с этим оловянным напором – если через пару часов не вспомнишь все, пустим в ту же казарму, только уже к солдатам. Поняла?

– Да. Но я ничего про себя не знаю

– Стопко! Вывести эту рвань.

Комната Остапенко потихоньку заполнялась сигаретным дымом. В тайне ото всех, командир курил. Он по жизни был одиночкой, а курение, еще в студенчестве понял он, неизбежно ведет к ненужным диалогам. С Павлой Степановной у него был негласный договор. Она, молча, не замечала, что в ее общежитии курят, он – что в его части стоят памятники. И поэтому, во многих трудных ситуациях, Остапенко запирался в своей комнате, и тихо, спокойно пускал серые кольца.

Сейчас был повод – похороны Захаренко. На войне, а уж тем более на непонятной, не было места всем мирным обычаям. Покойников ни отпевали, ни давали телу полежать в доме, ни собирали гостей. Даже гробы не делали – а так, бесшумно и безлюдно закапывали в стороне. Остапенко предстояло найти хоть какие-то координаты родственников самоубийцы, и отослать похоронку с адресом захоронения. Ведь вчерашнее письмо от брата было с пометкой «До восстребования», а, значит, не представляло собой ни малейшего блока информации. Когда-нибудь, это все закончится, и люди захотят поставить кресты своим близким – верил он. Но, уже пятый год, крестов не было, и война не кончалась.

Бережно собрав пепел и окурочек от сигареты, Остапенко сел за телефон. Он начал позванивать всех вышестоящих

и большепонимающих в этом деле, но никто, на том конце провода, не мог найти личное дело Захаренко. Он словно прибыл из неоткуда. Удивительно, ведь весть о смерти его жены и детей пришла точно по адресу. Но точка отправления была неизвестной. Нет, конечно же все понимали, что искать нужно в Донецке. Но города этого уже фактически не было. Еще в 2014 его разбомбили, а нынешние редкие обстрелы, не оставили от него и вовсе следов. «Ищи ветра в поле» – подумал командир.

Терзания командира Остапенко прервал неожиданный визит Сибитова. Моторщик появился на пороге очень внезапно. Любое появление Сибитова было внезапным настолько, что многих оно пугало. Остапенко, не смотря на более высокий военный чин, побаивался этого парня, зная, что за любое неверное слово, он мог угодить в немилость начальства.

- Доброе утро, Петр Михайлович!
- Доброе, Алексей! Зачем пришел?
- По вопросу новенькой беглянки.

Остапенко привстал из-за стола и направился к умывальнику, чтобы набрать воды в стакан.

- А что с ней такое, Леш?
- Да ничего. Просто говорит, что ничего не помнит.

Командир начал мерными глотками отпивать воду, разделяя ими каждую свою фразу.

- Так, – глоток – ты же сам – глоток – говорил, что каждый

беглец ничего не помнит.

Сибитов начал мяться и осматриваться по сторонам комнаты, в которой сотню раз уже был. Сотню раз он просил перевести нерадивых бегляцов в Запорожье, сотню раз он требовал представить солдат к трибуналу за тактически неверное высказывание, сотню раз предлагал понизить или и вовсе выгнать своих сослуживцев. А вот просить навести справки о ком-нибудь из врагов – ни разу. Сибитов где-то на уровне подсознания пытался оправдать свое желание помочь беглянке, служением закону военного времени. По уставу он должен был сначала обратиться к начальству за информацией о пойманном, а уж только потом, решать его судьбу. Сейчас же было все по-другому. Он хотел, то бы Она жила.

– Петр Михайлович, я требую обращения в штаб, по делу пойманного вчера врага. Вполне вероятно – она подосланный разведчик.

Остапенко поставил стакан, и с грозным видом, опершись кулаками на стол, привстал:

– Темнишь ты что-то Сибитов. Откуда она?

– Не знаю. Поговору похоже, что откуда-то с юго-востока Беларуси. Не москвичка, и не северная – это точно. Не акает.

– И с каких это пор, Сибитов, ты начал людей по разговорам проверять?

– Ни с каких. Это предположение.

– Слушай, Алеша... Баба понравилась?

– Нет. Петр Михайлович, я бы вам не советовал задавать такие вопросы.

Командир на секунду перевел взгляд на погоны Сибитова, хотя и знал, что это было бесполезно. Настоящих чинов моторщиков никто не знал. Будь там хоть одна звезда младшего лейтенанта, любой из моторщиков мог оказаться и капитаном, и даже майором. Правда, единственный критерий для определения звания, был возраст. Наверяли, перед Остапенко сейчас стоял майор. А вот старлей – вполне вероятно. Мягко опустившись на стул, Петр Михайлович, произнес.

– Ладно, Сибитов. Запиши на листке ее внешние данные, рост, приблизительный возраст, ну и все остальное... Свяжусь со штабом – пусть ищут.

Сибитов облегченно вздохнул. Мало кто из его окружения мог бы догадаться, что за предшествующие до этого вздоха, десять минут разговора с Остапенко, ему дались так тяжело. Весь вспотевший от внутреннего напряжения, моторщик сел за стол, и подробно описал внешность беглянки:

«Девушка (приблизительный возраст – 23—25 лет), хрупкого телосложения (вес 48—50 кг), невысокого (1,63—1,65 см) роста, со светлыми (светло-русыми) прямыми волосами, ниже плеч. Глаза – голубого цвета. Особых примет – не имеет.

Была найдена 20.05.2020 года в бывшем административном центре Чернигова, на улице Ленина. При себе ничего не имела. Была одета в темно-зеленого цвета мастерку, си-

ние джинсы и серые кеды.

Утверждает, что ничего не помнит о своем фактическом месте жительстве, гражданстве и национальности. Предположительно гражданка РБ (юго-восточной части)».

Положив ручку около листка, Сибитов пробежался глазами по только что написанному. Мысленно он вновь пытался представить образ беглянки, но девушка никак не прорисовывалась в его голове. Она словно исчезла, и не хотела появляться в канцелярских клише военной переписки. Под такое описание могла подойти абсолютно любая девушка славянской внешности.

– Ну что, написал? – прервал молчаливые мысли моторщика Остапенко.

– Да. Держите. – Сибитов протянул листок. Командир внимательно перечитал записанное на нем, и, еще раз взглянув на погоны, аккуратно положил на стол.

– Можешь идти.

Оставшись одна в огромной казарме, освещенной потоками майского солнца, она забилась в угол. Вокруг нее стояло около полусотни не по-военному застеленных кроватей. Небрежно валялись цветные шерстяные одеяла, разнообразных подушки без наволочек и скомканные простыни. В казарме было грязно. Обитель солдат, пропитанная мужским потом, запахом несвежего белья и спертых воздуха напоминала больше временное пристанище, но никак не место отдыха.

Поджав под себя ноги, она сидела в самом крайнем углу, около входа, и отгоняла от себя мысли о последующих за этим временем событиям. Час, два или три просидела беглянка в такой позе. Она устала пытаться хоть что-нибудь вспомнить, еще раз удостоверившись в том, что память блокирует все. Теперь для нее все слилось в один монотонный диафильм, с быстро сменяющимися картинками новой реальности. Платье перестало быть белым, и, наполнившись, песчаной пылью превратилось в серое. Стопко не сильно церемонился, и вел беглянку к казарме через все ветряные пролеты.

Пугающее, с одной стороны, и обнадеживающее, с другой, время текло медленно. Она не знала, сколько здесь находиться, пока безразмерную пустую тишину не нарушил чей-то

сдавленный стон. Приподнявшись на ноги, она начала искать глазами источник потревожившего ее звука.

Им оказался юноша. На одной из утопленных в лучах кровати лежал молодой человек, с головой ушедший под одеяло, из-за чего она его и не заметила и, лишь подойдя поближе, смогла рассмотреть. Его молодое лицо, обрамленное шерстяным покрывом, сморщивалось от боли. Выступал пот. С разбежкой в пол минуты он стонал.

– Вам плохо?

– Б-14, мы вызываем помощь. Б-14....

– Вы бредите?

– Б-14, Б-14...

Она аккуратно приподняла край одеяла с незнакомца. На голове его была такая же ссадина, как и у нее, только размера в два больше, и в несколько раз глубже. Кровь, запекшаяся от тепла одеяла, сбилась сгустками и засохла. У юноши явно был жар.

– Б-14, мы вызываем, Б-14...

– Тише, тише, тише... – люлюкая, словно ребенка, прошептала она. Встав с его кровати, беглянка направилась к выходу. Она хотела позвать хоть кого-то на помощь, ведь ее память, кроме блокировки прошлого, вырезала и все житейские навыки. Дверь была заперта с обратной стороны. После непродолжительной попытки достучаться и докричаться до внешнего мира, она вернулась к кровати больного, призывы которого усилились и превратились в непрерывное бор-

мотание. Солдат забился в ознобе. Его глаза, изначально беспредметно бродящие по комнате, застыли в одной точке. Он смотрел на окно, из которого струился солнечный свет.

Ею овладела паника. Мечась от кровати к кровати, она перебирала валяющиеся вокруг вещи. Что она искала? Ничего конкретного. Но, надеясь, что память вновь придет к ней, при виде нужного предмета. Среди открыток, фотографий, непонятных брелков и каких-то карточек, ни у кого из хозяев казармы не оказалось ни воды, ни таблеток.

«Как же так, – думала она, – меня оставили умирать здесь – понятно, но он же, ваш... За что вы его так оставили?»

– Б-14, мы вызываем, Б-14... – все громче и громче скандировал солдат – Б-14... Б-14...

– Да Господи, миленький! Что же с тобой?!

В эти минуты время, тянувшееся беззвучным потоком, превратилось в молниеносную субстанцию. Она понимала, что ждать помощи не откуда, а сама она – оказать ее не сможет. Еще раз пробежавшись глазами по казарме, детали которой она заучила за проведенные здесь часы, она заметила чуть приоткрытую фрамугу одного из окон. Оттуда, свет преломлялся и, искажаясь от зеркальной поверхности стекол, падал на потолок, а не как все остальные – поверх пола. Под окном располагалась безликая кровать, как и все захламленная какими-то вещами.

– Б-14... Б-14... На помощь, Б – 14...

Сейчас казарма не казалась такой большой, как раньше. В ней стало душно, жарко, страшно... Стены начали давить. Она рывком оказалась у той кровати, и, в течении нескольких секунд, уже стояла на металлическом ее изголовье. Обрушиваясь и пачкая кедами и без того грязную подушку, она пыталась дотянуться до фрамуги. Руки соскальзывали с перекладин, а ноги, так предательски ведущие себя, никак не поднимались выше. Она опиралась головой в стеклину, отражавшую луч, и лишь могла подкинуть ее вверх, но никак не, оказаться на одном уровне с ней. Если кричать с этого места – никто не услышит. Вообще малый шанс того, что кто-либо будет идти в этот момент мимо казармы, и распознает призывы к помощи.

– Б-14... Б-14...

Нужно было встать на узкую ручку от рамы окна и, уже оттолкнувшись от нее, постараться подтянуться до деревянного основания фрамуги. Резиновая подошва кед все также соскальзывала и не давала повиснуть хотя бы на руках. Она сдернула кед, и, цепляясь пальцами ног, словно примат взобралась на ручку.

– Б-14... Б-14...

Подскок... Слет... Обракинувшись основанием тела на кровать, она взглянула на просившего помощи. Озноб усилился и превратился в нарастающую с каждой минутой дрожь. Его голова, казалась отделенной от тела. Времени не было. Она вновь попыталась приподняться к оконно-

му проему. Еще раз поставив ногу на деревянную ручку, она подпрыгнула... Теперь уже руки вели себя предательски. От жары и сдавленного воздуха они пропитались потом и скользили по поверхности окна, не давая зацепиться. Она обмахнулась...

– Б-14... Б-14...

То ли подсознание, то ли вернувшаяся инстинктивная самозащита, проснулась в ней. Она схватила простынь и оторвала от нее несколько лоскутов. Намотав их поверх рук, как боксеры обматывают костяшки перед боем, она приступила в третий раз к нешуточной борьбе с деревянным окном. Со стороны это выглядело смешно. Беглянка раз за разом приподнималась над кроватью и падала на нее обратно. Ценой этого комического действия сейчас была жизнь бредившего солдата. Она вновь подтянулась к ручке окна и поставила на нее правую ногу. Левой она попыталась дотянуться до шпингалета, но тот оказался слишком далеко. Поймам равновесие, она подпрыгнула третий раз. Рука зацепилась за фрамугу. На мгновение усмехнувшись, она продолжила карабкаться по окну. Рывком подкинув стекло, она перебросила через него вторую руку, и уже зафиксировав свое положение, выглянула в окно. Свет солнца бил в лицо, и, теперь, уже он стал противником. Пытаясь рассмотреть хоть то-то сквозь его, она молила неизвестного ей бога о помощи.

– Эй!!! Кто-нибудь! Тут человеку плохо! – кричала она
Улица же отмалчивалась. Ни голосов людей, ни звуков ма-

шин, ни хоть какого-нибудь шороха деревьев не было слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.